
Соколова Печатает
17
Все забудут Нину
Пока мёртвых помнят — они живы
18+
18+

Соколова Печатает...

Все забудут Нину

«Автор»
2026

Печатает... С.

Все забудут Нину / С. Печатает... — «Автор», 2026

Нине нужно всего лишь съездить в деревню и получить подпись хозяйки дома 17.Но старуха встречает её так, словно ждала много лет. Называет чужим именем, поит травяным чаем и просит вернуть вещь, которую Нина никогда прежде не видела.Вечером автобус не приходит. Деревня пустеет, остановка исчезает, дороги зарастают травой, а в наступившей тишине за Ниной начинает следовать нечто, прячущееся среди домов.Вернувшись домой, она пытается забыть Калиновку. Только время теперь идёт неправильно.Чтобы понять, почему деревня знает её имя, Нине придётся вернуться.Но некоторые места исчезают не случайно.

© Печатает... С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 19
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Соколова Печатает...
Все забудут Нину

ВСЕ ЗАБУДУТ НИНУ
Пока мёртвых помнят — они живы.

Повесть

Глава 1

Нина бежала в полной темноте, не разбирая дороги. Ноги цеплялись за корни, ветки царапали лицо, но она не слышала ни шагов, ни собственного дыхания.

Только чувствовала: оно рядом.

Впереди что-то мелькало горячий воздух касался затылка. А стоило Нине обернуться — темнота за спиной становилась плотнее, будто надвигалась следом.

Она попыталась закричать.

Из горла вырвался лишь слабый хрип.

Нина побежала быстрее. Ветки хлестали по рукам, земля уходила из-под ног. Она вытянула ладони перед собой — и со всего размаху врезалась в холодную стену.

Тупик.

Позади раздался хруст.

Он приближался.

Нина вжалась спиной в стену. В темноте перед ней проступил огромный силуэт. Сначала — плечи, слишком широкие для человека. Потом длинные руки. Наконец из мрака показалась бледная лысая голова.

— Не надо… — беззвучно прошептала Нина.

На месте лица дрогнула тень и начала раскрываться.

Пасть растянулась почти на всю голову, обнажая несколько рядов длинных мокрых зубов. Существо наклонилось.

И заревело:

— НИНА! Твою мать, время десять утра, а ты спишь на рабочем месте!

Она дёрнулась так резко, что коленом ударилась о стол.

Перед глазами медленно проступили офис, фикус на подоконнике, пожелтевший монитор и склонившийся над ней лысеющий Сергей Викторович.

Опять уснула.

— Я не спала, — на всякий случай сказала Нина.

Она выпрямилась и машинально потрогала щёку. На ней отпечатался край папки.

— Ещё раз, Соколова, и вещи я тебе лично соберу.

Нина опустила взгляд и провела ладонью по лицу, сгоняя остатки сна.

— Извините.

— Не извиняйся, а собирайся. Завтра едешь в Калиновку.

Нина вскинула голову.

— Я всего второй месяц работаю, Сергей Викторович. Зачем сразу закапывать?

Начальник тяжело вздохнул.

— Кому ты сдалась? Сроки горят. Один дом остался, без него дорогу прокладывать не начнут. А хозяйка даже разговаривать с нами не хочет.

— Это далеко?

— Часа два.

— А парни почему не съездят? Они опытнее меня. И одной как-то страшно.

— Съездили уже. Дважды. Там бабка — божий одуванчик. Только мужиков не любит.

— А чего они с ней не справились, если она одуванчик?

Сергей Викторович кашлянул и сделал вид, что не услышал вопрос.

— Твоя задача — поговорить и сделать предложение. За волосы её оттуда тащить не надо.

— А почему она меня, по-вашему, не прогонит?

Сергей Викторович смерил её усталым взглядом.

— Ты милая. Доверие вызываешь.

Нина недоверчиво нахмурилась.

— Когда молчишь, — добавил он.

Начальник вытащил из стопки толстую синюю папку и положил перед ней.

— Здесь предложение о выкупе, оценка дома, копии документов и проект дороги. Ничего не потеряй и оригиналы ей не оставляй.

Нина открыла папку. К первому листу скрепкой была приколота небольшая бумажка.

— Калиновка, Центральная, дом семнадцать, — прочитала она. — А добираться как?

— С пригородной автостанции. Автобус в семь двадцать.

— Так рано…

Нина немного подумала.

— А если обратный не приедет?

Сергей Викторович медленно снял очки и потёр переносицу.

— Соколова, это рейсовый автобус, они каждый час ходят.

Она снова посмотрела в папку.

— А если хозяйка откажется?

— Зафиксируешь отказ и вернёшься. Давить на неё не надо. Объясни условия, покажи сумму, постарайся поговорить нормально. Нам нужно понять, чего она хочет.

— А если…

— Билеты сохранишь, командировочные получишь сегодня в бухгалтерии. На дорогу и еду хватит.

Нина закрыла папку.

— А может…

— Ой, Нина, не спорь, ради бога. У меня и без тебя голова болит.

До конца рабочего дня Нина успела дважды передумать увольняться и один раз окончательно решить, что завтра напишет заявление.

Так происходило почти каждую неделю.

К двадцати пяти годам её жизнь не успела ни особенно удаться, ни окончательно развалиться. Нина закончила университет без красного диплома, сменила две съёмные квартиры и три работы, один раз получила повышение, один раз была уволена и однажды потратила половину зарплаты на сапоги, которые потом натирали ей ноги.

Ничего выдающегося.

С мамой она созванивалась по воскресеньям, с университетскими подругами виделась, когда всем удавалось совпасть свободными вечерами, а с Пашей жила достаточно давно, чтобы он по звуку брошенных в прихожей ключей понимал, насколько сильно её сегодня задолбали.

Ключи ударились о тумбочку и упали на пол.

— Понятно, — крикнул Паша из кухни.

— Ничего тебе не понятно.

— Увольняешься?

Нина сняла туфли и одну за другой запихнула их под обувницу.

— Завтра еду в какую-то жопу мира выселять бабку.

— Ты же не занимаешься выселением бабок.

— Вот и я так сказала.

На кухне Паша стоял перед плитой и помешивал макароны. Рядом лежал телефон с включённым видео, где двое мужчин спорили о видеокартах. Нина села за стол, положила подбородок на ладони и пересказала ему всё — от разговора с начальником до завтрашней поездки в Калиновку.

Паша выключил видео.

— Не езжай.

— Ага. И меня уволят.

— Ты пять минут назад сама хотела уволиться.

— Я хочу уволиться по собственному желанию, а не потому, что испугалась бабки!

— Логично.

— Вот прожру командировочные и уволюсь к чертям.

— Тоже логично.

Нина подозрительно посмотрела на него.

— Ты меня вообще слушаешь?

— Конечно. Не нравится работа — увольняйся. Найдёшь другую.

— А если не найду?

— Значит, будем есть макароны без сосисок.

Он выключил плиту, подошёл, шлёпнул её по заднице и ушёл в комнату.

Через несколько секунд оттуда донёсся звук включающегося компьютера.

— Вот и поговорили! — обиженно крикнула ему вслед Нина.

После ужина она сходила в душ, залезла в его старую чёрную футболку и легла всего на минуту. Волосы остались влажными, будильник — не заведённым, а телефон так и лежал в кармане брошенных на пол джинсов.

Проснулась Нина оттого, что кто-то настойчиво забирался ладонью под футболку.

— Паш…

— М-м?

— Я сплю.

— Уже нет.

Она не открыла глаз.

— Ты весь вечер играл, а меня завтра в лес отправляют.

— В Калиновку, — поправил Паша. — Автобус в семь двадцать. Я поставил тебе будильник на пять пятьдесят.

Нина наконец приоткрыла один глаз.

— Ты всё-таки слушал?

— Иногда получается.

Он поцеловал её в плечо. Нина подвинулась, освобождая ему место, и привычно уложила холодные ступни на его ноги.

— Замёрзла, что ли?

— Да, грей меня.

Паша натянул на них одеяло и снова полез ладонью под футболку.

За стеной шумела вода. Во дворе проехала машина. На кухне гудел старый холодильник, а в углу комнаты тихо работал забытый компьютер.

Нина снова закрыла глаза.

Она никогда не замечала, как много звуков окружает её по ночам.

5:50

Трррр-трррр. Трррр-трррр.

— Да выключи ты его! — простонал Паша, не поднимая головы.

Нина запустила подушкой в дрожащий на полу телефон. Тот не заткнулся.

Она попыталась восстать из мёртвых и села на кровати. Шея затекла, футболка обнаружилась на подоконнике, а бельё она так и не нашла.

— Боже, дай мне сил пережить этот день.

Сил никто не дал, поэтому пришлось вставать своими.

До ванной Нина дошла, придерживаясь за стены. Умылась ледяной водой, собрала волосы крабиком и несколько секунд смотрела на себя в зеркало, пытаясь понять, можно ли отправить к бабке кого-нибудь из отражений.

На кухне она запихнула в себя бутерброд с сыром, обожгла язык растворимым кофе и пошла изображать серьёзного представителя организации. Белая блузка, тёмная юбка, тонкие колготки и туфли, в которых ноги начинали болеть ещё дома. Синюю папку Нина положила в сумку, трижды проверила адрес и на всякий случай сунула туда бутылку воды, пачку сигарет и зарядку.

Перед выходом она заглянула в комнату.

— Я ушла.

Паша что-то невнятно промычал в подушку.

— Если меня убьют, удали историю браузера.

— Удачи с бабкой, — донеслось ей вслед.

На остановке было безумно много народу.

Нина встала среди сонных студентов, недовольных пенсионерок и мужчин с рабочими сумками. Автобуса не было, ноги уже ныли, а кофе начинал проситься наружу.

Она обвела толпу тяжёлым взглядом.

Ладно я — на работу. А вы-то все куда?

Нина думала, что сильнее возненавидеть это утро уже невозможно. Но, устроившись у окна, полезла в сумку и не нашла наушников. Проверила боковой карман. Потом внутренний. Вытащила кошелёк, сигареты, зарядку и синюю папку.

Наушников не было.

Она медленно откинулась на спинку сиденья.

Два часа.

Наедине с собственными мыслями.

Автобус тронулся. Водитель включил радио, парень сзади принялся смотреть ролики без наушников, а мужчина через проход развернул шуршащий пакет с беляшом.

По салону поплыл запах жареного масла, лука и сомнительного мяса.

Нина прижалась лбом к прохладному стеклу.

Лучше бы её всё-таки закопали.

* * *

Через два мучительных часа, гудящая развалюха, именуемая междугородним автобусом, наконец остановилась.

Нина уже давно осталась в салоне одна. Все нормальные люди не доезжали до конечной и спасались бегством на соседних остановках.

Нина была ненормальной поневоле.

Она спрыгнула с последней ступеньки прямо на пыльную дорогу. Двери со скрипом закрылись за её спиной, автобус натужно загудел и укатил обратно в сторону города.

Нина проводила его взглядом.

Стало тихо.

Впереди тянулось бесконечное зелёное поле. За ним лежали вспаханные земли, потом снова поля и только на горизонте всё это наконец заканчивалось. Слева и справа темнели ровные ряды елей и берёз. Трава вдоль дороги доходила почти до пояса.

Нина повернулась к деревне.

От остановки через траву шла светлая узкая тропинка и упиралась в калитку одинокого дома, стоявшего чуть в стороне от остальных.

Нина достала бумажку, которую дал начальник.

— Дом семнадцать. Зелёная веранда, — прочитала она и снова посмотрела на дом, к которому вела тропинка. — Ну что, пойдём искать.

Она поправила сумку на плече и сделала первый шаг.

Каблук сразу провалился в землю.

Нина пару раз обошла дом, надеясь, что первый от остановки окажется нужным. Каково же было её удивление, когда так и оказалось.

— Дом семнадцать. Да ладно? Это что, мне впервые повезло?

Она подошла к калитке и осторожно открыла её. Дерево ещё не просохло от утренней росы.

У входа зеленели ухоженные клумбы. Возле стены стояли бочки, наполненные дождевой водой, вдоль дорожки росла капуста, а от аккуратно сложенной поленницы пахло мокрой древесиной и смолой.

Нина улыбнулась, вспомнив бабушкин дом, но тут же споткнулась об оставленные посреди дорожки грабли и выругалась.

Она подняла глаза на веранду.

Дверь была открыта.

Нина поднялась по ступенькам и осторожно сунула голову в проём.

— Добрый день! Здесь кто-нибудь есть?

Ответа не последовало.

Заходить без приглашения Нина не решилась. Она спустилась обратно, обошла веранду и тихо постучала по стеклу.

Тишина.

Занавеска на окне резко дёрнулась.

За стеклом показалось хмурое старушечье лицо в платке, съехавшем набок.

Старуха посмотрела на Нину — и застыла.

Глубокие морщины словно разгладились от изумления. Она придвинулась к стеклу так близко, что коснулась его лбом, и несколько долгих секунд разглядывала девушку.

Нина растерянно моргнула.

— Меня зовут Соколова Нина. Я из компании «РегионДорПроект».

— Нинка... — едва слышно произнесла старуха и резко отпрянула от окна.

За дверью послышались шаркающие шаги, звякнула цепочка, дважды повернулся замок.

Нина выдохнула.

Дверь, ведущая из дома на веранду, приоткрылась.

— Ну, заходи. Нина, а то мух напустишь.

Девушка вошла внутрь.

Старушка не посторонилась сразу. Пришлось протиснуться мимо неё почти боком. Зинаида Степановна стояла слишком близко и продолжала всматриваться в Нинино лицо.

Зинаида Степановна закрыла дверь и кривым пальцем указала на табурет перед столом.

— Садись. Я пока чай соберу.

— Не нужно, я ненадолго…

— Выпьешь.

Нина удивлённо посмотрела на неё.

Старуха уже отвернулась к полкам. Она перебирала банки дольше, чем требовалось, выбирая травы особенно тщательно. Сухие листья, тёмные ягоды, тонкие корешки. Последнюю банку достала из самого дальнего угла, за остальными, и вытряхнула из неё несколько чёрных кусочков.

— Я чай сама собираю, — сказала она, не оборачиваясь. — Уже лет пятьдесят.

— Да я вообще не пью, спаси…

— Травы, коренья, ягоды. Иногда и гриб полезно добавить.

Нина замолчала.

— Гриб?

— А ты что думала? Чага в лесу дороже золота.

Зинаида Степановна наконец обернулась.

Теперь она дружелюбно улыбалась.

— Зинаида Степановна, у меня на руках официальное предложение о добровольном выкупе вашего дома и земельного участка.

Старушка сняла с печи железный чайник и залила травы кипятком. Кухню сразу наполнил горьковатый запах.

— Согласно независимой оценке, компания предлагает вам миллион двести пятьдесят тысяч рублей за дом и участок. Ещё сто тысяч предусмотрено на переезд.

Зинаида Степановна накрыла заварник полотенцем и достала из шкафа две чашки.

Старушка поставила перед ней чашку.

— Сахар будешь?

— Нет, спасибо. Вы слышали, что я сказала?

— Я ещё не оглохла.

Зинаида Степановна налила чай сначала Нине, потом себе и наконец села напротив.

— Если вас устраивают условия, наши специалисты подготовят договор и помогут с документами.

— Не устраивают. — Старушка подула на чай.

— Вы же не посмотрели.

— А чего там смотреть? Дом не продаётся.

Нина набрала воздуха.

— А если…

Зинаида Степановна подняла на неё глаза.

— Чай пей. Остынет.

Девушка покосилась на эмалированную кружку с облупившейся клубничкой на боку. Пить неизвестные травы не хотелось, но старушку нужно было как-то расположить к себе.

— Не доверяю людям, которые чай не пьют. Ещё мой прадед говорил: кто чаёвничать не умеет, от того добра не жди.

Нина тяжело выдохнула, придвинула к себе кружку, а к старушке — папку.

Она подула на чай и осторожно поднесла его к губам.

— Вы нам ничего не должны…

— Пей. Без тебя разберусь.

Зинаида Степановна взяла бумаги, поднесла почти к самому носу и принялась внимательно их изучать, будто до этого ей ничего не приносили.

Чай оказался немного горьким и пах дымом. Нина сделала ещё один глоток и прислушалась к ощущениям. Язык не онемел, сердце не остановилось.

Уже хорошо.

Старушка перевернула первый лист, потом второй.

— И где ваша дорога?

Нина поставила кружку и придвинулась ближе.

— Вот здесь.

Она провела пальцем по толстой красной линии на плане.

Зинаида Степановна хмыкнула.

— Не отстанете же, дармоеды.

Женщина поднялась из-за стола и медленно поплелась в глубь дома.

Нина тут же вскочила.

— Сиди. Приду сейчас, документы найду.

Девушка послушно опустилась обратно на табурет, но почти сразу снова поднялась.

Она справилась.

Очаровала старуху так, как не смогли двое мужчин до неё. Сергей Викторович был прав: она действительно вызывала доверие.

Она прошлась по небольшой кухне, стараясь ничего не задеть.

Дом был тёплым и обжитым. У стены белела большая печь с чугунными заслонками, на подоконниках теснились горшки с геранью, а возле окна гудел старенький холодильник, накрытый кружевной салфеткой. На стене висела выцветшая фотография, почти уничтоженная временем и сыростью. Пожилая женщина и две девочки с одинаково серьёзными лицами смотрели прямо в объектив. Лицо одной из девочек было испорчено сильнее остального снимка — на его месте осталось белёсое пятно, словно бумагу долго и старательно скоблили чем-то острым.

В углу над столом был устроен красный угол. Белый рушник с вышитыми по краям петухами, высохшая веточка вербы, потемневшая лампадка.

Иконы тоже были. Только все они почему-то стояли ликами к стене.

Большие и маленькие — каждая аккуратно перевёрнута, будто хозяйка не хотела, чтобы святые видели происходящее в доме.

Из глубины дома донёсся глухой стук.

Нина вздрогнула и едва не задела локтем банку с сушёными ягодами.

— Нашла! — крикнула Зинаида Степановна.

Через несколько секунд старушка вернулась на кухню. В руках она несла перевязанный бечёвкой пакет пожелтевших бумаг.

Нина поспешно отошла от икон и снова села на своё место.

На стене мерно тикали круглые часы. Нина посмотрела на них, потом на телефон.

Часы показывали без четверти десять, а на телефоне было почти двенадцать. Стрелки не двигались, хотя тиканье продолжало разноситься по кухне.

— У вас часы встали, — сказала Нина, указывая на стену.

Старушка медленно подняла голову и совершенно неожиданно улыбнулась.

— Верно. Стоят.

Она всё ещё показывала поредевшие маленькие зубы.

Нина поёрзала на табурете.

— Так что там с документами?

Зинаида Степановна не ответила.

Она наклонила голову и снова принялась рассматривать Нину. Медленно, внимательно — от растрепавшихся волос до рук, лежавших на столе. Потом её взгляд опять остановился чуть ниже.

— Молодая, — произнесла она. — Красивая.

В её голосе не было ни восхищения, ни капли доброты.

— Всё тебя время никак не берёт.

Нина непонимающе заморгала.

— В каком смысле?

— Как была, так и осталась.

По спине пробежал неприятный холодок.

Зинаида Степановна развязала бечёвку. Из пакета показались свидетельство на дом, кадастровый план и ещё несколько старых бумаг.

— Подпишу, — сказала она. — Всё забирай.

Она придвинула к себе папку, нашла лист с согласием на выкуп и начала расписываться. Потом перевернула страницу, вторую, третью — даже не читая, но каждый раз безошибочно находя нужную строку.

— Подождите, здесь не везде нужно…

— Забирай.

— Зинаида Степановна…

— Дом забирай. Землю забирай!

— Вы сначала прочитайте условия.

— Мало тебе?!

Старуха подняла на неё глаза. В них стояла такая ненависть, что Нина невольно отодвинулась вместе с табуретом.

— Всю жизнь у меня отобрала. Теперь за домом пришла! Всё забирай!

Зинаида Степановна швырнула в неё подписанный лист. Следом полетели копия, план и пожелтевшие справки.

— ВСЁ ЗАБИРАЙ!

Старуха крикнула так, что у Нины зазвенело в ушах. Где-то на улице тут же завыла собака.

Нина сползла с табурета и принялась судорожно собирать бумаги. Она запихивала их в папку как попало, сминая края, и пятилась к двери.

Зинаида Степановна медленно шла следом.

— Спа… спасибо за сотрудничество, Степания Зинаидовна…

Нина упёрлась спиной в дверь.

— Вы приняли самое лучшее реше…

— ЗАБИРАЙ, НИНКА, ВСЕ ЗАБИРАЙ!

Старушка взмахнула рукой. Кружка слетела со стола и прокатилась у Нининых ног, расплескав горячий чай.

Нина взвизгнула, толкнула дверь и вылетела на веранду. Через ступени она уже не спускалась — перелетела разом.

— Ненормальная! Психованная дура!

Бурча себе под нос, Нина припустила по тропинке к остановке, прижимая папку к груди.

Только оказавшись под её ржавой крышей, она решилась обернуться.

В дверном проёме показалась Зинаида Степановна.

Нина резко метнулась за остановку и прижалась к ней спиной. Осторожно выглянула из-за угла.

Старушка стояла на веранде и смотрела в сторону дороги.

Несколько минут она не двигалась, прислушиваясь к собственному дыханию и ожидая, что сейчас по тропинке зашаркают шаги.

Ничего не произошло.

Когда она снова выглянула, веранда была пуста.

Больше Зинаида Степановна не показывалась.

Нина обошла остановку, села на лавку и положила папку рядом. Потом достала телефон и посмотрела на время.

Сергей Викторович говорил, что автобусы ходят каждый час. Даже если предыдущий только что ушёл, следующий должен был приехать максимум через час.

— Нормально. Час посижу.

И сама не заметила, как провалилась в сон.

Проснулась Нина от жары.

Солнце поднялось выше, туман над полями полностью рассеялся. Серая крыша остановки раскалилась и теперь не спасала от жары, а только собирала её внутри. Воздух под навесом стоял душный и неподвижный.

Нина вытерла влажный лоб и посмотрела на телефон.

Прошёл почти час.

Она поднялась, разминая затёкшую спину, вышла к дороге и посмотрела сначала в одну сторону, потом в другую.

Никого.

Нина вернулась под навес и подождала ещё немного. Посидела, встала, снова посмотрела на дорогу. Прошлась от одного края остановки до другого.

Туфли, промокшие в траве, начали натирать. Нина терпела ещё минут десять, потом сдалась, сняла их и понесла в руке.

Она приложила ладонь ко лбу и долго смотрела вдаль.

Дорога была совершенно пуста.

Так прошло ещё два часа.

— Это уже не смешно!

Нина маялась от головной боли и жажды. Достала телефон.

Связи не было.

— Да только что была!

Она со злости топнула босой ногой по земле и тут же поморщилась — под пятку попал острый камень.

- Может, позвонить в такси от кого-нибудь?

Страшно даже представить, сколько это будет стоить, но сейчас Нина была готова отдать половину зарплаты, лишь бы уехать.

Она сунула грязные туфли под мышку, убрала папку в сумку и направилась по тропинке мимо бабкиного дома. Дальше виднелись редкие деревенские домики.

Телефон показывал три часа дня, но вокруг почему-то уже начинало смеркаться.

За домом Зинаиды Степановны тропинка сужалась и тянулась дальше через всю деревню. Настоящей улицы здесь не было. Только две продавленные колеи, между которыми росла высокая трава.

Дома стояли далеко друг от друга, будто соседи старались не приближаться. Старые, деревянные, с выцветшими голубыми и зелёными ставнями. Один завалился набок, но продолжал держаться на почерневших брёвнах. У другого просела крыша, а крыльцо ушло в землю почти до нижней ступеньки.

Нина прошла мимо покосившегося колодца, нескольких сараев и ржавого велосипеда, прислонённого к забору.

Деревня не выглядела заброшенной. В огородах ровными рядами росли картошка и капуста. На верёвке висело выстиранное бельё. Возле одного дома стояло ведро, доверху наполненное водой, а на крыльце сохли перевёрнутые банки.

Но людей не было.

Нина заглядывала через палисадники, пыталась рассмотреть кого-нибудь в окнах, прислушивалась.

Ничего.

Ни голосов, ни хлопающих дверей, ни звона посуды. Не лаяли собаки, не мычала скотина. Даже птицы, ещё недавно кричавшие над полями, вдруг замолчали.

Тишина была такой, что Нина слышала, как босые ступни шлёпают по земле.

— Эй! Кто-нибудь! — крикнула она.

Собственный голос прокатился между домами и исчез.

Никто не ответил.

— Чушь какая-то. Вымерли тут все, что ли?

Нина решила вернуться, пока не ушла слишком далеко. К тому же автобус мог приехать в любую минуту. Будет особенно обидно пропустить его после трёх часов ожидания.

Она пошла обратно той же дорогой, стараясь не смотреть на пустые окна. Снова миновала покосившийся колодец, ржавый велосипед и бельё, неподвижно висящее над чужим огородом.

Снова прошла мимо дома Зинаиды Степановны и свернула на тропинку.

Только приблизившись к дороге, Нина подняла голову.

И застыла.

Остановки не было.

Там, где ещё недавно стоял ржавый навес с облупившейся синей стеной, росла высокая трава.

Ни лавки. Ни таблички. Ни столбов.

Даже ям в земле не осталось. Будто остановки здесь никогда и не было.

Нина медленно посмотрела на туфли под мышкой, потом на пустое место перед собой.

— Нет.

Она обернулась на бабкин дом.

— Нет-нет-нет. Я отсюда приехала.

Взгляд Нины упал на землю.

В траве белел окурок.

Она медленно подошла и присела на корточки. На фильтре остался тёмный след от её помады.

Эту сигарету Нина выкурила здесь около часа назад, сидя на лавке и глядя на пустую дорогу.

Она подняла окурок и сжала его между пальцами.

— Значит, я не придумала, я точно была здесь!

Нина снова посмотрела на ровную траву, где раньше стоял ржавый навес.

Остановка действительно была здесь.

А теперь её не было.

Делать было нечего. Всё это выглядело хреново.

Нина нехотя развернулась и пошла обратно к дому старухи.

На этот раз она уже увереннее пролетела через веранду и застучала прямо во внутреннюю дверь.

— Зинаида Степановна! Извините, что снова вас тревожу, но мне нужна помощь!

Нина постучала ещё раз.

Потом ещё.

Тишина.

Она приложила ухо к двери и прислушалась.

Ни шагов, ни недовольного старушечьего ворчания.

— Да твою мать.

Нина дёрнула ручку. Дверь легко подалась.

Она осторожно заглянула внутрь.

Чашка всё ещё лежала у порога. Чай впитался в деревянный пол, оставив на досках тёмное пятно. На столе валялись неподписанные бумаги, сухие травы и перевёрнутый заварник.

Нина вошла, но дверь за собой на всякий случай распахнула ещё шире.

— Зинаида Степановна?

На кухне никого не было.

Нина заглянула в небольшую комнату с продавленным диваном и старым телевизором. Потом — в крошечную спальню. Кровать была застелена, платяной шкаф закрыт, возле него ровно стояли стоптанные домашние тапочки.

Дом был слишком пустым, чтобы в нём можно было спрятаться.

Нина вернулась на кухню.

Часы на стене больше не тикали.

— Эй… — позвала Нина уже тише. — Вы где?

Никто не ответил, она вышла на улицу.

Обошла дровяник, прошла между грядками и заглянула за дом.

Только поленница под навесом, старая бочка и несколько перевёрнутых в траве вёдер.

— Да вы издеваетесь, что ли?

В груди поднималась настоящая паника. Сердце колотилось всё быстрее, ладони вспотели, а дышать вдруг стало тяжело, хотя Нина почти не двигалась.

Небо темнело. Солнце уже спряталось за деревьями, по земле растекались длинные серые тени. Для середины лета смеркалось слишком рано.

Намного раньше, чем должно было.

— Так, — сказала Нина самой себе. — Паниковать будем по пути. Раз автобуса нет, значит, пойдём пешком.

Нина вернулась в дом и начала рыскать в поисках того, что могло бы помочь ей пережить этот поход. Она торжественно пообещала себе, что вернёт всё незаконно добытое, как только доберётся до города.

В старых комодах ничего подходящего не нашлось. Зато в шкафу в прихожей Нина обнаружила резиновые калоши.

Они оказались немного малы. Пришлось поджать пальцы, но это всё равно было лучше туфель.

Нина закатала рукава блузки, на полке лежал сложенный платок с красными маками. Она осторожно понюхала ткань — платок пах мылом и был самым чистым из всех.

Нина повязала платок на голову и убрала под него волосы.

Собравшись, девушка вернулась к дороге, туда, где раньше стояла остановка.

Она хорошо помнила, в какую сторону уехал автобус.

Оставалось просто идти следом.

Сначала дорога была вполне различима. Две колеи уходили через поле в ту же сторону, в которую утром уехал автобус.

Нина шла между ними, стараясь не наступать в глубокие лужи. Калоши неприятно сжимали пальцы, сумка била по бедру, а платок постепенно сползал на затылок.

Через некоторое время колеи стали мельче.

Потом одна исчезла совсем.

Нина не сразу обратила на это внимание. Поправляла сумку, смотрела на телефон, пыталась поймать хотя бы одну полоску связи. Лишь когда высокая трава начала цепляться за юбку, она остановилась.

Дороги под ногами больше не было.

Нина медленно оглянулась.

Позади тянулась примятая полоса травы - след от её собственных ног. Ни колеи, ни луж, ни даже голой земли.

— Так не бывает.

Она прошла несколько метров назад, внимательно глядя под ноги.

Ничего.

— Здесь автобус ехал. Огромный, мать его, автобус.

Нина повернулась вокруг себя. Поле выглядело одинаково со всех сторон. Трава, редкие кусты и тёмная полоса леса вдали.

Никаких поворотов она не видела. Никуда не сворачивала. Всё время шла прямо.

— Я заблудилась на прямой дороге, — пробормотала Нина. — Это уже талант.

На улице стремительно темнело. Последний свет исчез за деревьями, и поле стало серым, а потом почти чёрным. От дневной жары не осталось и следа. По голым ногам под юбкой пополз холод.

Нина достала телефон.

17:32

Она несколько раз коснулась экрана, будто неправильное время можно было исправить нажатием.

— Нет. Не может быть сейчас пол шестого!

Но вокруг уже стояла ночь.

Нина включила фонарик. Белый круг выхватил мокрые стебли, грязные калоши и собственный след, обрывающийся всего в нескольких шагах позади.

Дальше трава стояла ровная.

Нина подняла телефон выше.

— Калиновка! — крикнула она в темноту. — Эй! Я здесь!

Голос утонул в поле.

Никто не ответил.

Только впереди, там, где должна была быть дорога, чернел лес.

Ни звука. Ни ветра, ни стрёкота ночных насекомых, ни крика птиц. Нина не была уверена, что сейчас хотела бы услышать волчий вой или уханье совы, но не слышать ничего, кроме собственного шума в голове, оказалось ещё отвратительнее.

Она пошла прямо. Чёртово поле должно было где-нибудь закончиться.

Впереди словно мерцали огни. До них было непонятно сколько: то ли несколько сотен метров, то ли они горели у самого леса.

Трава становилась всё выше. Нина сделала ещё несколько шагов и почувствовала, как калоша с чавканьем провалилась в грязь.

Местность оказалась болотистой.

Она подтянула юбку и шагнула в эту кашу из воды и вязкой земли. Осока резала голые ноги. Нина несколько раз дёрнулась от острых порезов, но продолжила идти.

Мокрая трава уже касалась груди и лица, оставляя тёмные пятна на блузке. Полю не было ни конца ни края.

Нина остановилась и повернулась назад.

Там, где она только что прошла, свободно стояла высокая стена бурьяна.

Ни примятых стеблей. Ни следов. Ни единого просвета.

Нина отшатнулась.

— Боже… что за херня?

Она попятилась, споткнулась о кочку и едва не упала. Затем развернулась и двинулась дальше, уже не разбирая пути.

Вокруг по-прежнему стояла тишина. Только кусты шуршали о её одежду и хлестали по лицу.

Сбоку что-то шевельнулось.

Нина резко повернула голову.

Только высокая трава, чёрная в свете телефона. Она стояла совершенно неподвижно — ни один стебель не качался.

Нина медленно направила туда фонарик.

Ей показалось, что тень двигалась поперёк травы, не раздвигая её. Просто скользнула между стеблями — слишком быстро и слишком высоко над землёй.

Она слышала только собственное сбившееся дыхание и хлюпанье калош. Но ощущение чужого взгляда становилось всё сильнее.

— Пожалуйста, хватит, — прошептала она. — Я хочу выйти отсюда.

Никто не ответил.

Нина сделала шаг.

В нескольких метрах от неё трава дрогнула.

Она остановилась.

Трава снова зашевелилась. Сначала едва заметно, затем сильнее — будто кто-то полз внутри неё, медленно описывая вокруг Нины широкий круг.

Девушка судорожно водила фонариком из стороны в сторону.

Луч метался по бурьяну, но каждый раз Нина опаздывала. Движение оказывалось сбоку. Потом за спиной. Потом снова впереди.

По шее скользнул холодный пот.

Трава перед ней разошлась.

Из темноты поднялась тень.

Нина не успела разглядеть лица. Только длинное чёрное тело, слишком тонкое и высокое, чтобы принадлежать человеку. Оно замерло над травой, качнулось, будто принюхиваясь.

А потом ринулось прямо на неё.

Нина открыла рот, собираясь закричать.

Ночь разорвало выстрелом.

Оглушительный хлопок ударил по ушам. На мгновение поле озарилось белым светом, и Нина увидела мечущуюся траву, чёрный силуэт совсем рядом и что-то брызнувшее ей в лицо.

Телефон вылетел из пальцев.

Земля качнулась и исчезла из-под ног.

Нина упала, над ней раскрылось совершенно чёрное небо, усеянное таким количеством звёзд, какого она никогда прежде не видела. Они горели слишком ярко и казались непривычно близкими.

Высокая трава сомкнулась над её лицом.

Где-то рядом послышались быстрые шаги.

Кто-то тяжело дышал.

Нина попыталась поднять руку, но пальцы не слушались.

Звёзды медленно поплыли в сторону.

А потом исчезли и они.

Глава 2

Глаза заболели от резкого света. Нина сморщилась и попыталась закрыться руками.

Что-то тёплое и мокрое прошлось по её щеке.

Она дёрнулась и увидела прямо над собой лохматую собачью морду. Чёрно-белая лайка шумно сопела, переступала лапами возле её плеча и снова принялась облизывать Нине лицо.

— Фу… Отстань…

— Очнулась, подстреленная!

Девушка вздрогнула от неожиданно близкого человеческого голоса и поспешила продрать глаза.

Всё то же бесконечное поле зелени, полосы вспаханной земли и синее небо над головой.

Нина лежала на сухом сене, под голову ей подложили чей-то рюкзак. Вокруг стояли трое взрослых мужчин в камуфляжной одежде. И пёс, счастливо нашедший добычу.

У одного из мужчин на плече висело ружьё.

— Тебе жить надоело? — спросил он.

— Мы тебя чуть как кабана не подстрелили!

— Дура! — возмутился третий. — Я чуть Богу душу не отдал. Лет на десять постарел!

Нина приподнялась на локтях.

— Вы стреляли, что…ночью?

Мужчины переглянулись.

— Ночью?

— Совсем башкой ударилась?

— Петрович, может, ты её всё-таки контузил?

— А может, она такой из города приехала?

— Откуда… — Нина медленно поднялась. Помогать ей никто не собирался. — Откуда вы знаете, что я из города?

Мужики захихикали.

— Потому что у нас таких дур нет. По лесу перед ружьями бегать никто не станет. Да и мы своих в лицо знаем, а ты… — мужчина указал на её разорванную блузку, — в белой кофточке тут одна такая.

Нина посмотрела на себя.

Блузка была в грязи, один рукав разорван до локтя, юбка вымокла, а голые ноги покрывали длинные красные порезы. Платок съехал набок, но каким-то чудом всё ещё держался на голове.

Под взглядами незнакомых мужчин она обхватила себя руками.

— Я потерялась. Из города приехала по работе.

— Ёжиков пугать?

Мужики расхохотались.

Нина огляделась. Ещё недавно вокруг была непроглядная темнота, а теперь солнце стояло высоко над полем. Птицы перекрикивались в кустах, в траве стрекотали кузнечики.

После ночной тишины каждый звук бил по ушам.

— Выпустите меня отсюда, пожалуйста. Я никому ничего не скажу.

К глазам подступили слёзы.

Мужчины перестали смеяться.

— Да кто тебя держит? — Петрович нахмурился. — Дуй отсюда.

— Там дороги нет.

— Где — там?

Мужчина обернулся.

За его спиной простиралась широкая грунтовая дорога.

Деревня жила и шумела. Мимо домов проехала машина, где-то играли дети, визжала пила, стучал топор, мычали коровы. Из печных труб поднимался редкий дым.

А чёртова остановка стояла на своём месте и делала вид, будто никуда не исчезала.

Она ошарашенно вытаращила глаза.

— Эй, городская! — крикнул кто-то позади. — Телефон забери!

Нина обернулась. Петрович протягивал ей найденный в траве телефон.

Она вернулась, выхватила его и, уже не слушая, что кричали вслед мужчины, бросилась к остановке. Бежала, стараясь лишний раз не моргать и не оборачиваться, словно та могла снова исчезнуть, стоило только отвести взгляд.

Нина влетела под чёртов навес и вцепилась обеими руками в ржавую перекладину.

Настоящая. Твёрдая. Существует.

Она потрясла железную трубу. Остановка жалобно заскрипела, но исчезать не собиралась.

Проезжавшие мимо дети на велосипедах покосились на неё. Женщина в цветастом платье, нёсшая два ведра, остановилась и тоже проводила Нину долгим взглядом.

Девушка сняла дурацкий платок и вытерла им грязное и мокрое лицо.

Только теперь она вспомнила про телефон.

Экран не зажёгся.

Нина несколько раз нажала на кнопку включения, потрясла его и даже постучала по корпусу, хотя прекрасно понимала, что это не поможет.

Батарея разрядилась.

Она тихо застонала, опустилась на лавку и откинулась на стену.

И тут со стороны дороги донёсся знакомый скрип.

Нина замерла.

Из-за поворота показался старый оранжевый автобус. Всё тот же, ещё советский, гудящий и дребезжащий каждой деталью. Он медленно приближался к остановке «Калиновка».

Нина вскочила.

Сейчас эта развалюха казалась ей самым прекрасным, что она видела в жизни.

На остановке вместе с ней снова никто не сел. Никто не вышел и из автобуса.

Водитель даже не посмотрел в её сторону. Только дождался, пока Нина поднимется по ступенькам, закрыл двери и тронулся с места.

Она прошла в самый конец салона и села у окна, крепко прижимая сумку с документами к груди. Остановку провожала взглядом до тех пор, пока ржавый навес не скрылся за деревьями.

На следующей в автобус завалилась целая толпа. Бабушки с рассадой, дети, молодёжь с портфелями и рюкзаками. Кто-то толкнул Нину локтем, чья-то сумка дважды прилетела ей по голове, а мальчик в кепке наступил на калошу.

Нина была счастлива.

Она сидела грязная, потная и ужасно уставшая, с порезанными ногами и разорванным рукавом, но вокруг разговаривали люди. Женщины обсуждали цены на сахар, дети спорили из-за места у окна, где-то надрывался телефон, а водитель ругался на пассажиров, не приготовивших мелочь.

Обычный человеческий шум.

Нина слушала его, боясь, что всё снова оборвётся.

На неё косились.

Пусть смотрят. Пусть обсуждают. Пусть хоть фотографии делают — лишь бы не замолкали.

В город автобус въехал уже при ярком дневном свете. Нина не знала, сколько сейчас времени. Телефон не включался, а часов в салоне не было.

Когда показалась её остановка, она вскочила раньше, чем автобус успел затормозить.

Двери открылись.

Нина выпрыгнула на асфальт и помчалась к дому прямо в калошах. Они шлёпали по тротуару и больно давили на пальцы, но останавливаться она не собиралась.

Она бежала, на ходу молясь только об одном:

Чтобы Пашка оказался дома.

Залетев в таком виде в свой подъезд, Нина перепугала всех бабок у входа. Она неслась так быстро, что успела услышать лишь дружный вздох ужаса — и уже пролетела мимо.

На лестнице калоша дважды слетела с ноги. Нина возвращалась за ней, натягивала обратно и продолжала подниматься, цепляясь рукой за перила.

Возле квартиры она заколотила по двери.

— Паша! Пашка! Пожалуйста!

Нина судорожно принялась искать ключи в сумке. Папка, пустая бутылка — всё летело на пол. Пальцы тряслись и не слушались.

За дверью щёлкнул замок.

Паша открыл и застыл, глядя на неё.

Он был сонный, взъерошенный и совершенно голый по пояс. Несколько секунд его взгляд медленно двигался от съехавшей юбки к грязной разорванной блузке, исцарапанным ногам и мокрым волосам.

— Мать твою…

Нина бросилась ему на шею, уткнувшись мокрым грязным лицом в голую грудь.

Паша от неожиданности отступил на шаг, но сразу обхватил её руками.

— Нин? Что случилось? Ты где была?

Она хотела ответить.

Рассказать про бабку, остановку, исчезнувшую дорогу, ночное поле и тень в траве. Но вместо этого из горла вырвался тихий всхлип.

— Не отпускай меня.

Паша перестал задавать вопросы.

Он молча затащил её в квартиру, захлопнул дверь ногой и прижал к себе крепче.

— Не отпущу.

Нина закрыла глаза.

За стеной работал телевизор. Наверху кто-то сверлил. Во дворе сигналили машины, а на кухне гудел старый холодильник.

* * *

В ванной Паша молча помог ей снять грязную одежду и посадил в ванну.

Тёплая вода почти сразу стала серой. В ней плавали травинки, мелкие листья и кусочки засохшей грязи. Паша осторожно вымыл ей волосы, смыл землю с лица и рук. Когда вода коснулась порезов на ногах, Нина зашипела.

Пока он отмывал её, она начала говорить.

Паша не перебивал.

— А потом эти мужики стояли надо мной. Ружья, собака… Я сначала вообще решила, что они меня подстрелили.

Он спустил воду, завернул Нину в большое полотенце и усадил на край ванны. Сам сел на пол между её коленями и начал осторожно вытирать ступни.

— Слушай… А ведь мою бабушку тоже охотники нашли.

Паша замер.

— В смысле?

— В лесу. Совсем младенцем. Потом её в детский дом отдали. Она так никогда и не узнала, кто были её родители.

Нина смотрела на его мокрые волосы и молчала.

— То есть вашу семейку охотники из леса уже не в первый раз приносят?

Нина посмотрела на него исподлобья.

— Очень смешно.

— Получается, семейная традиция.

Паша отложил полотенце.

— Нин.

— М?

— Тебя точно никто не трогал?

— Точно.

— Ничего такого не было?

— Нет. Они только рюкзак мне под голову положили.

Паша кивнул.

— Головой не ударялась?

Нина осторожно потрогала затылок.

— Вроде нет.

— Тошнит?

— Немного.

— Голова кружится?

— Чуть-чуть.

— Поехали к врачу.

Нина уже открыла рот, чтобы отказаться.

Потом посмотрела на порезанные ноги, синяк под коленом и грязную воду, оставшуюся на стенках ванны.

— Ладно.

Паша шумно выдохнул и поднялся. Обнял её прямо вместе с полотенцем, прижимая мокрую и всё ещё дрожащую к груди.

Через несколько минут Нина уже сидела на кухне в Пашиной футболке и тёплых носках. Перед ней стояла кружка сладкого чая.

Паша поставил рядом тарелку с бутербродами и сел напротив.

— Теперь ещё раз, — сказал он. — Медленно. С самого начала.

Нина тяжело вздохнула и взяла бутерброд. Обычный хлеб с сыром оказался вкуснее всего, что она ела в жизни.

Она начала рассказывать снова.

Паша слушал молча. Иногда хмурился, иногда просил повторить. Потом поднялся, подошёл к открытому окну и закурил.

— Ты две недели держался, — напомнила Нина.

— Самое время завязать с завязкой.

Паша затянулся и провёл свободной рукой по волосам.

— Всё равно не понимаю, как ты за полдня умудрилась в такое вляпаться.

Нина поперхнулась и заставила себя прожевать медленнее.

— Что значит — за полдня?

— То и значит. Люди ещё после обеда на работу не вернулись, а у тебя уже приключений на целую книжку.

Нина медленно подняла глаза на часы над микроволновкой.

14:49.

— Паш, ты издеваешься? Я дома не ночевала. Меня больше суток не было.

Паша тоже посмотрел на часы.

— Нин, не пугай меня, а. Ты уехала сегодня утром. Автобус был в семь двадцать — я тебе лично будильник ставил.

Бутерброд медленно опустился на тарелку.

— Как — сегодня?

Паша достал телефон и положил перед ней на стол.

На экране стояла дата её отъезда.

Та, которая для Нины закончилась ещё вчера.

С момента её отъезда прошло меньше восьми часов.

— Ничего не понимаю.

Нина посмотрела в коридор.

Возле двери стояли грязные калоши.

Значит, они были настоящими.

Из сумки торчал край бабкиного платка.

Нина замерла.

Документы.

Она вскочила из-за стола и бросилась к сумке. Вывернула её содержимое прямо на пол.

— Нин, ты чего?

Она раскрыла папку и торопливо перебрала листы.

Предложение о выкупе. Оценка дома. Копии документов. Проект дороги.

Нина пробежалась по ним глазами.

Потом ещё раз.

— Старая ведьма!

— Что?

Не было никаких подписей.

Ни одной.

Все бумаги выглядели точно так же, как при её приезде. Чистые, нетронутые — только измятые в сумке.

— Она меня опоила, — выдохнула Нина. — Своими травами. Или грибами. Она что-то насыпала в чай!

Паша вытаращился на неё.

— Ты пила траву у неизвестной бабки в деревне?

— Она сказала, что сама собирает.

Паша схватился за голову.

— А, ну тогда нормально! Если сама собирает, значит, пей!

— Я не хотела её обидеть.

— Нина!

— Она сказала, что не доверяет людям, которые не пьют чай!

Паша несколько секунд смотрел на неё, будто пытался решить, кого спасать первым — Нину или собственную нервную систему.

— Собирайся. Мы едем в больницу. Пусть там сами разбираются, кто тебе сейчас нужнее — токсиколог или психиатр.

— А ты со мной?

— Нет, блин. Оставлю тебя одну, чтобы ты ещё у кого-нибудь в подъезде мухоморов выпила!

Он поднял с пола калошу двумя пальцами.

— И это тоже возьмём. Я хочу знать, почему ты вернулась домой в обуви незнакомой бабки.

Дежурного токсиколога долго ждать не пришлось. Перед ними было всего несколько человек: мальчик, проглотивший какую-то ягоду с куста в огороде, и трёхлетняя девочка, хлебнувшая зелёнки.

На этой же скамье сидели Нина с Пашей.

Молчали.

Нина привычно поджала губы. До неё медленно доходил позорный итог всех утренних решений.

Она выпила неизвестный отвар. Украла у старухи калоши. Ушла одна в лес. Потерялась. Вернулась домой и теперь сидела в очереди вместе с детьми, которые пихали в рот всё, до чего могли дотянуться.

Паша смотрел в стену с лицом отца непоседливого ребёнка.

— Нина Андреевна, проходите, — раздалось из-за приоткрытой двери.

Они поднялись одновременно, в кабинет тоже вошли вдвоём.

Врач окинула их подозрительным взглядом. Посмотрела на испуганное лицо Нины, на царапины на ногах, затем опустила глаза на пакет с калошами.

— Наркотики?

— Чай.

— С грибами?

Нина растерянно моргнула.

— Откуда вы…

— Сорок шесть лет опыта, Нина Андреевна.

Врач медленно сняла очки.

Паша отвернулся к стене и прикрыл рот ладонью.

— Садитесь. Когда пили?

— Утром.

— Во сколько?

Нина посмотрела на Пашу.

— Около десяти, — ответил он.

— Сколько?

— Пару глотков. Из кружки эмалированной. С клубничкой.

— Объём меня интересует, а не рисунок.

— Миллилитров 50?

— Что было в составе?

— Травы, коренья, ягоды. Иногда гриб полезно.

Врач подняла брови.

— Это она так сказала, — поспешно добавила Нина. — Не я.

— Потеря сознания была?

— Наверное.

— Что значит «наверное»?

— Я лежала в поле, потом в меня чуть не выстрелили, а потом уже не лежала.

Врач посмотрела на Пашу.

— Она всегда так объясняет?

— Обычно хуже.

— Паша…

Женщина снова надела очки и придвинула к себе бланк.

— Сдадите кровь и мочу. Сделаем кардиограмму. Из-за возможной потери сознания вас ещё должен осмотреть невролог.

Она кивнула на пакет возле Пашиных ног.

— А калоши зачем принесли?

Паша посмотрел на пакет. Потом на Нину.

— Она приехала в них, не помнит как и почему.

— Ясно, — сказала врач и что-то записала. — Психиатр этажом выше.

Нине казалось, что всю дорогу домой Паша будет молчать.

Но стоило им сесть в трамвай, как его прорвало.

Он захохотал так громко, что пассажиры с передних сидений начали оборачиваться. Паша пытался остановиться, закрывал лицо руками, вытирал выступившие слёзы, но каждый раз снова смотрел на пакет с калошами у Нининых ног — и начинал ржать заново.

Нина краснела сильнее, чем когда-либо в жизни.

— Прекрати!

Она несколько раз ущипнула его за руку.

— Мне больно, — выдавил Паша сквозь смех.

— А мне не больно было по лесу на карачках ползти?!

Паша согнулся пополам.

— Нин… Чай…

— Там была чага! Это полезный гриб!

— Особенно если после него сутки проходят за два часа.

Нина ущипнула его ещё раз.

— Всё, молчу. Правда.

Он выпрямился, глубоко вдохнул и несколько секунд честно смотрел в окно.

Потом пакет качнулся от движения трамвая. Калоши внутри стукнулись друг о друга.

Паша издал странный сдавленный звук и снова закрыл лицо ладонями.

— Ненавижу тебя, — пробормотала Нина.

Но он смеялся так счастливо и искренне, что она сама невольно улыбнулась.

И тут же отвернулась к окну, пытаясь это скрыть.

Слава богу, наутро Паша ушёл на работу раньше неё, и Нине не пришлось жевать сосиски под его испытующе-насмешливым взглядом.

На столе лежала записка:

Чай не заваривай. Мало ли.

Нина скомкала её и выбросила в мусорное ведро.

Потом достала обратно, разгладила и убрала в карман.

Прибить Пашу она всегда успеет. А записка была смешная.

Голова болела не сильно. В целом Нина чувствовала себя нормально. Или ей хотелось так думать. На всякий случай она выпила нурофен, собрала мятые бумаги обратно в синюю папку и поплелась в контору.

В офисе она старалась весь день не высовываться, надеясь незаметно отработать и, как всегда, исчезнуть в толпе коллег.

Не получилось.

— Соколова! — донеслось из кабинета. — Зайди ко мне!

Нина остановилась посреди коридора.

Начальник сидел за столом и что-то печатал двумя пальцами. Увидев Нину, он отодвинул клавиатуру и протянул руку.

— Ну? Показывай.

Нина неохотно положила перед ним папку.

Сергей Викторович открыл её, вытащил мятые листы и нахмурился.

— Это что?

— Документы.

— Я вижу, что не золотой слиток. Почему они выглядят так, будто ты ими отбивалась?

— Потому что я ими отбивалась.

Он поднял на неё глаза.

— Не подписала.

— Почему?

Нина поджала губы.

— Ничего я от неё не добилась. Сначала она вроде согласилась посмотреть предложение, а потом выставила меня из дома.

— Просто выставила?

— Не совсем. Кинула мне в лицо бумаги. Потом папку. Потом кружку с чаем.

О том, что до этого она успела из этой кружки выпить, Нина благоразумно промолчала.

Сергей Викторович медленно посмотрел на бурое пятно в углу одного из листов.

— Это чай?

Нина кивнула.

Он откинулся на спинку кресла.

— А мужики говорили, она их просто вилами со двора прогнала.

Нина помолчала.

— И что она сказала?

— Что дом не продаётся. А потом начала кричать, чтобы я всё забирала.

— Предложение хотя бы прочитала?

Нина вспомнила, как старуха судорожно черкала ручкой по листам. Как бросала их ей под ноги. Как улыбалась, глядя на остановившиеся часы.

— Посмотрела, — неуверенно ответила она. — Но, судя по результату, сумма её не впечатлила.

Сергей Викторович тяжело вздохнул, сложил бумаги кое-как и сунул их обратно в папку.

— Ладно. Завтра составишь служебную записку. Напишешь, что собственница от добровольного выкупа отказалась и вести переговоры не намерена.

— А сегодня нельзя?

— Можно.

— Но сегодня ты выглядишь так, будто сама нуждаешься в добровольном выкупе. Иди домой, Соколова.

Она уже взялась за ручку двери.

— И бумаги перепечатай! — крикнул он следом. — Эти я к заказчику не понесу!

— А если…

— Завтра, Нина!

Она закрыла рот и вышла из кабинета.

Дома всё было, как всегда. Паша ещё пару раз получил от неё за шуточки про грибы, после чего Нина выпила исключительно прописанные врачом аптечные успокоительные и завалилась спать.

Среди ночи она привычно закинула ногу на Пашу, но рядом никого не оказалось.

Подушка была пустой, одеяло откинуто. Наверное, опять торчит за компьютером.

Она посмотрела на часы.

3:05.

— Паш, завязывай… Вставать рано, — сонно крикнула Нина.

Ответа не последовало.

Она уткнулась лицом в подушку и попыталась заснуть. Без него спалось плохо: кровать казалась слишком большой, а любой звук из кухни начинал раздражать.

Через какое-то время Нина проснулась снова.

Паши всё ещё не было.

— Да твою мать…

Она выбралась из кровати и пошла доставать его силой.

На кухне горел свет. Дверца холодильника была открыта, а Паша стоял перед ней в одних домашних штанах и грыз кусок сыра.

— Солнце, ты время видел?

Он обернулся.

— Кис, ещё рано. Я есть хочу. Это ты вырубилась моментально, а меня-то чего спать гонишь?

Паша закрыл холодильник, прошёл мимо и поцеловал её в лоб.

— Рано? — переспросила Нина.

Она посмотрела на часы микроволновки.

22:08.

Нина несколько секунд молча разглядывала светящиеся цифры.

Показалось, что ли? Она мотнула головой и поплелась обратно в кровать.

В офисе утро началось с планёрки.

Сергей Викторович стоял у доски и перечислял участки, по которым нужно было закрыть документы до конца недели.

— По восемнадцатому ждём выписку из ЕГРН. По двадцать третьему оценщики обещали отчёт сегодня. С собственниками двенадцатого участка связались?

— Вчера, — ответил кто-то. — Они согласны на осмотр.

— Хорошо. Соколова, по Калиновке подготовишь служебную записку об отказе собственницы и приложишь акт выезда.

Нина сидела в конце стола и смотрела на стену за его спиной.

— Нина?

— Хорошо.

— И копии документов перепечатай. Желательно без чая и следов борьбы.

По столу прокатились смешки.

Она снова уставилась в стену.

На ней висели круглые офисные часы. Секундная стрелка дёргалась на одном месте, никак не решаясь перескочить дальше. А потом медленно пошла назад.

Девушка моргнула.

Стрелка снова дёрнулась. Раз. Другой. Отползла ещё на две секунды.

Совещание продолжалось. Кто-то листал бумаги, шуршал распечатками. Все были поглощены обсуждением и ничего не замечали.

Она смотрела только на часы.

Стрелка продолжала двигаться против часовой стрелки.

Нина поёжилась.

В целом день прошёл неплохо, если не считать того, что дома тоже встали все часы. Паша объяснил это магнитными бурями. Нина хотела ему верить, поэтому затолкала поднимающуюся из глубины тревогу куда подальше и придавила сверху таблеткой пустырника.

Утром она проспала и упустила автобус.

— Твою ж! На минуту опоздала!

Двери закрылись прямо перед её носом.

— Теперь в трамвае трястись.

Она перебежала через пару дворов и запрыгнула в первый трамвай, идущий до центра.

Огибая пассажиров, Нина уселась у окна. Пожилая контролёрша с химической завивкой на голове устало протянула к ней руку. Погружённая в свои мысли Нина заметила её не сразу.

— Я долго стоять буду? Ты тут не одна.

Нина дёрнулась.

— Извините. Вот.

Она протянула деньги.

Старушка раздражённо сунула ей жёлтый билетик с цифрами и, переваливаясь с ноги на ногу, поковыляла дальше по салону.

Нина отвернулась к окну, сунув скомканный билетик в карман. Мимо проплывали дома, зелёные деревья, парки и фонтаны.

На остановке трамвай резко дёрнуло, пассажиров качнуло в сторону. Нина уткнулась лбом в стекло и снова погрузилась в свои мысли, но её почти сразу потревожили.

— Я долго стоять буду? Ты тут не одна.

Она подняла глаза.

Перед ней стояла та же старушка с химической завивкой и протягивала руку.

Нина недоумённо уставилась на неё.

— Я только что оплатила.

— Ты мне голову не морочь. Я тебя первый раз вижу.

Нина усмехнулась.

— Вы просто забыли. Я только что покупала билет. Вот...

Она засунула руку в карман брюк.

Пусто.

— Да был он! Только что!

Кондукторша раздражённо затопала ногой.

Нина огляделась в поисках поддержки. Пассажиры делали вид, что спят.

— Либо плати, либо выкину за шкирку!

— Это нечестно!

— Петро-о-ович! — позвала женщина, повернувшись в сторону водителя.

— Ладно! Вот вам ещё пятьдесят рублей. Но я уже платила, ясно?

Нина сунула ей последнюю купюру, почти плача от досадной несправедливости.

Старушка забрала деньги, оторвала новый билет и сунула его Нине.

— Ишь какая умная.

Раздражённо переваливаясь с ноги на ногу, она поковыляла дальше по салону.

Нина кипела от злости. Теперь никакой пустырник в мире не смог бы заглушить эту ярость.

Трамвай снова дёрнулся. Она едва успела выставить руку, чтобы не въехать челюстью в спинку переднего сиденья. Потом вагон тронулся дальше.

Нина судорожно перебирала в голове все варианты того, как следовало дерзко ответить старой маразматичке. Ничего путного не придумывалось.

И тут боковым зрением она заметила, как кондукторша снова идёт к ней.

Нина молча уставилась на неё.

Старушка протянула руку.

— Я долго стоять буду? Ты тут не одна.

— Серьёзно? — Нина нервно хихикнула. — Что, опять?!

— Либо плати, либо выкину за шкирку!

— Да не буду я снова платить!

— Петро-о-ович!

— Господи!

Нина вскочила и подлетела к дверям, судорожно нажимая кнопку аварийного открытия.

Салон наконец проснулся. Пассажиры зашевелились и начали возмущённо перешёптываться.

Трамвай остановился.

Двери открылись, и под крики старухи Нина вылетела на улицу.

— Дурдом какой-то!

Злая Нина ввалилась на работу, еле сдерживаясь, чтобы кого-нибудь не укусить. Всё утро её мысли занимала бабка из трамвая. В последнее время с пожилыми женщинами ей отвратительно не везло.

Она наконец сдала отчёт по Калиновке и едва не уволилась, в третий раз зацепившись блузкой за дверную ручку. Но, как и в предыдущие два раза, напомнила себе, что квартира сама на себя не накопит.

На кухне Нина заварила чай в своей почти жёлтой от налёта кружке с идиотской надписью: «Слёзы моих коллег».

Бросила внутрь дешёвый пакетик, оборвав у него ярлычок, дождалась, пока чайник наконец щёлкнет, и налила кипятка.

— Нинка! Ты сводку по выездам за прошлый квартал не видела? — донеслось из коридора. — Ольга Сергеевна отчётность закрывает, у неё количество заявок с журналом не сходится!

Нина дёрнулась. Кипяток выплеснулся из кружки прямо на стол.

В дверях показалась голова коллеги.

— Ты меня напугал! Сейчас посмотрю, где-то в столе лежала.

Она отставила горячую кружку и вышла в кабинет. Нужная папка обнаружилась под стопкой старых служебок. Нина вытащила её, отдала коллеге, прихватила тряпку и вернулась к своему столу.

Она наспех вытерла лужицу, взяла кружку и отошла к окну. По стеклу уже ползли мелкие капли. На сегодня обещали бурю.

Нина поднесла кружку к губам и отпила.

Чай был отвратительно холодным, да ещё и со странным землистым привкусом.

Она отшатнулась и недоверчиво заглянула в кружку. К горлу подкатила тошнота, но Нина всё равно осторожно коснулась напитка языком ещё раз.

— Что за…

Она успела зажать рот рукой.

Кружка стукнула о подоконник. Нина сорвалась с места, вылетела в коридор и, едва не сбив кого-то в дверях, бросилась в женский туалет.

До кабинки она добралась в последний момент. Едва успела захлопнуть дверь и опуститься перед унитазом на колени, как её с шумом вырвало. Несколько минут спустя она вышла к раковинам, включила холодную воду и долго полоскала рот.

Она достала телефон, собираясь проверить время, но задержала взгляд на сегодняшней дате.

Открыла приложение с календарём.

Перелистнула на предыдущий месяц и быстро пересчитала дни.

Нахмурилась.

Посчитала ещё раз.

— Соколова! — донёсся из коридора голос коллеги. — У тебя рабочий телефон трезвонит!

Нина заблокировала экран.

— Сейчас иду!

Домой Нина вернулась поздно. После работы зашла к маме, потом в магазин и половину дороги тащила тяжеленный пакет с продуктами.

По дороге она всё-таки зашла в аптеку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.